

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМИОТИКА ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ УРБАНИСТИКИ

С.В. Воробьева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220004, Минск, Республика Беларусь
cherbourg@mail.ru

Аннотация. В статье проясняются когнитивные константы пространственной семиотики города в контексте философской урбанистики: знаки-иконы, знаки-индексы, знаки-символы. Выявлены различия между ними, которые заключаются в способах выделения объектов по правилам пространственного кода. Показано, что первичную иконическую реальность города составляет фактическое содержание, вторичную индексную – содержание условное, третичную символическую – содержание опосредованное, умозрительное. Обосновано, что ключевой реальностью в пространственной семиотике города следует считать вторичную реальность, обусловленную направленностью внимания. Определены два подхода, в контексте которых раскрывается индексная сущность места. Это, во-первых, палимпсест как модель места, воспроизводящая его разночтения; во-вторых, культурный трансфер как модель взаимодействия культурных пространств, способных генерировать новые места.

Ключевые слова: *Пространственная семиотика города; философская урбанистика; место; типология городской реальности; палимпсест; культурный трансфер.*

SPATIAL SEMIOTICS OF THE CITY IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL URBANISM

S.V. Vorobyova

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220004, Minsk, the Republic of Belarus
cherbourg@mail.ru

Abstract. The article clarifies the cognitive constants of the spatial semiotics of the city in the context of philosophical urbanism: signs-icons, signs-indexes, signs-symbols. The differences between them have revealed, which lie in the methods of selecting objects according to the rules of the spatial code. It has shown that the primary iconic reality of the city has made up of factual content, the secondary indexical reality has made up of conditional content, and the tertiary symbolic reality is made up of mediated, speculative content. It has substantiated that the key reality in the spatial semiotics of the city should have considered a secondary reality,

determined by the direction of attention. Two approaches have defined, in the context of which the indexical essence of places has revealed. This is, firstly, a palimpsest as a model of a place, reproducing its discrepancies; secondly, cultural transfer as a model of interaction between cultural spaces capable of generating new places.

Keywords: *Spatial semiotics of the city; philosophical urbanism; place; typology of urban reality; palimpsest; cultural transfer.*

Актуальность пространственной семиотики города обусловлена необходимостью уточнения ее методологической эвристики в контексте философской урбанистики, что напрямую связано с функциональными и структурными разновидностями категории места [1, с. 7], границами и устанавливающими их культурными кодами [2, с. 34]. Философское понимание пространства как формы существования применительно к осмыслению города высвечивает ряд важных вопросов. Их можно содержательно эксплицировать в контексте терминов сосуществования, соположения, протяженности, порядка, а также порождаемых ими характеристик движения и развития. Именно из их методологических трактовок проистекают ключевые понятия урбанистических теорий, например: цифровой капитализм, городское правительство и управление, городской режим, социальная и пространственная сегрегация, фрагментация, символическая экономика, брендинг и маркетинг городов, гибридизация, идентичность. Они в большей части обусловлены или связаны с механизмами формирования семиотических кодов [3, с. 75]. Поэтому цель данной статьи – прояснить когнитивные константы пространственной семиотики города в контексте философской урбанистики.

Философская урбанистика имеет позитивистское происхождение, так как ее целесообразность предопределялась стремлением к рационализации человеческого пространства. «Городское мышление» стремилось освободить горожан от необходимости решать проблемы, связанные с общими интересами (гигиена, безопасность, общественное освещение и др.). В современном мобильном мире появление новых проблем рождает новые парадигмы продуктивного городского планирования. В частности, общими местами новой городской среды становятся ее динамика, постоянная смена соглашений разногласиями, договоренностей – разночтениями, под вопросом оказывается территориальность – она реальная или виртуальная [4, р. 3]. Как следствие, пространственная семиотика города, обуславливающая происходящие в нем процессы, позволяет переосмыслить городскую предметность, мерность, структурность

Исследование семиотических компонентов пространственной организации города чаще всего ограничивают символическими структурами,

поэтому необходимо внести ясность относительно остальных знаковых структур – иконических (аналоговых) и индексных. Семиотическая модель городской культуры, если следовать терминологии Ч.С. Пирса, включает три типа реальности, или данности мира сознанию. Первичную реальность составляют знаки-иконы, означаемое которых является образом, или копией означающего. Вторичную реальность составляют знаки-индексы, означаемое которых находится в отношении физической или логической смежности с означающим. Третичную – знаки-символы, в которых связь между означаемым и означающим отсутствует. Данную типологию Ч.С. Пирс обосновывает, исходя из трех видов интереса к вещи: первичной заинтересованности в ней самой, вторичной заинтересованности в связи с ее взаимодействием с другими вещами, третичной – в качестве посредника, «когда она передает разуму (mind) идею о вещи» [5, с. 89].

Первичная реальность раскрывается как конкретные места города, как точки в сети пространственных отношений. Это означает непосредственно воспринимаемую географическую или архитектурную структурированность физического пространства. Эпистемологические основания пространственной организации социального восприятия составляют метафоры, которые обозначают различные типы мест, связанные, например, с образованием, медициной, торговлей, отдыхом и развлечениями. В частности, метафорические структуры (близко, быстро, удобно или доступно), лежат в основе пространственной идентичности, определяемой совокупностью посещаемых мест в городе. В результате, допустим, замер социального восприятия пространства опирается на регистрирование наиболее посещаемых информантами мест с целью построения ментальных карт пространственных мест.

В первичной реальности доминируют целостные визуальные, аудиальные и кинестетические репрезентации, на основе которых происходит освоение конкретных нормативных ситуаций и выделение их среди других. Поэтому в этой реальности «для подобия необходим не опыт, но способность к опыту», которая «необходима не для того, чтобы подобия были проинтерпретированы, а для того, чтобы они вообще могли быть представлены сознанию» [5, с. 92]. Значит, если первичную городскую реальность составляет фактическое содержание, то вторичную – содержание условное.

Вторичная реальность, основанная на знаках-индексах, раскрывается как структурная репрезентация объектов. Эпистемологическими основаниями структурных репрезентаций выступают метонимические схемы, основанные на множествах пространственных, временных и языковых отношений, например, целое / часть, причина / следствие, объект / время.

Значение (референт) и смысл (концепт) знаков можно прояснить лишь в системе их отношений к другим знакам. Поэтому на основе именно знаков-индексов функционирует, например, историческая память, объединяющая фактическое и символическое содержание города [6, с. 37]. Если, согласно Ч.У. Моррису, функциональное содержание знаков в фактическом (иконическом) ракурсе обусловлено ценностями и мотивами, то такое содержание в условном (индексирующем) ракурсе – направленностью внимания [7, с. 93, 72]. Знак-индекс «означает лишь то, на что направляет внимание», поэтому он характеризует не свой денотат, а лишь исключительно его пространственно-временные координаты [7, с. 64].

Именно вторичная реальность, сопряженная с направленностью внимания, играет основополагающую роль в семиотике города. Если Г. Фреге обосновал в качестве фундаментальной сущности языка его индексную сущность, то по аналогии следует признать ее в качестве таковой применительно к пространственной семиотике города. Что можно увидеть за банальным и клишированным содержанием места? Каково его событийное содержание в контексте оппозиций, например: *вечное / сиюминутное, всеобщее / частное, абстрактное / конкретное, большое время / малое время*? В качестве ответа в соответствии с взглядом М.М. Бахтина можно утверждать, что предметы множественно именованы и переименованы, оговорены, оспорены, освещены и оценены по-разному. На них «скрешиваются, сходятся и расходятся разные точки зрения, мировоззрения, направления» [8, с. 198-199].

Индексная сущность города выявляется в контексте палимпсеста и культурного трансфера. В частности, И.И. Митин раскрывает пространственное место как палимпсест. По его определению, палимпсест является метафорой, которая описывает «множественность текста (или иного феномена, представимого и осмысляемого в виде текста), в котором подчеркивается выделение множества слоев (пластов) реальности» [9, с. 110]. Палимпсест как модель места позволяет учесть особенности, обусловленные не только историей, но и, как утверждает И.И. Митин, ссылаясь на Р. Шейна, «просто различиями в “чтении” ландшафта всевозможными социальными, этноконфессиональными, профессиональными группами и отдельными индивидами в зависимости от их идентичностей, пространственного опыта, воображения и эмоциональных связей с местом» [9, с. 111–112]. Их мысль созвучна утверждению Н.О. Анисимова: «семиотические смыслы городского пространства предстают перед нами в виде культурного кода, который человек способен прочесть» [2, с. 34].

Послойная модель места перекликается с культурным трансфером М. Эспаня, дополнившего многозначную реальность места

множественностью интерпретаций на пересечениях [10, р. 202–203]. Главным в культурном трансфере становится вопрос о том, «каким образом лимитрофное (пограничное) становится монолитным, а затем снова лимитрофным» на пересечении пространств [11, с. 74]. По этому поводу И.Ю. Окунева и Г.И. Остапенко с позиции гуманитарной географии подчеркнули, что «одно и то же место – географическая локация – может иметь разные интерпретации и идентификации в своей повседневной “эксплуатации”». Но с позиции политической географии учитываются расстановки пространственных приоритетов, оценка культурного или иного веса объекта в укрупненном масштабе [12, сс. 47, 49]. Увеличение степени опосредованности указывает на третичную реальность.

Третичная реальность умозрательна. Если «индекс физически связан со своим объектом», то «символ... связан со своим объектом благодаря идее использующего символы разума, без которого такая связь не существовала бы» [5, с. 93, 94]. Поэтому именно третичная реальность содержит компоненты конструирования пространственной идентичности. Этот тезис вытекает из того факта, что символические ресурсы городских мест обусловлены прагматическими факторами, квинтэссенцией которых выступают пространственные мифы, формализующие различные представления о первичной пространственной данности на основе синкретизма восприятия и мышления. Подобные представления кристаллизуют узловые точки, связанные, например, со значимыми местами, устанавливают зазоры, исходя из свойств и ценностей пустоты, намечают удаленные территории. Это, в конечном счете, влияет на установление масштабов в пространственных схемах миропонимания, что предопределяет символическое значение локаций посредством, во-первых, распределения актуального и неважного, специфического и общего, главного и второстепенного в пространстве, во-вторых, степени интеграции в различные процессы – повседневную жизнедеятельность, логистику, туристские потоки и пр.

Символические ресурсы формируются на основе аналогового метафорического мышления (знаков-икон), непосредственно привязанного к психическому опыту восприятия и составляющему условие перехода к понятийному мышлению, и метонимических конструкций (знаков-индексов), которые выражают способы идентификации объектов на основе их связей в пространстве или времени. Как отметил А.Ф. Лосев, «символ действительно постоянно функционирует вместе с другими соседними областями сознания и даже пронизывается ими». По этой причине «расчленение элементов, составляющих символ, и отчленение этого символа от соседних областей, с

которыми он часто фактически связан, в данном случае особенно важно» [13, с. 57–58].

Таким образом, когнитивными константами пространственной семиотики города являются знаки-иконы, знаки-индексы и знаки-символы. Они лежат в основе различий в способах выделения объектов по правилам пространственного кода, что методологически важно в философской урбанистике. В соответствии с указанными константами становятся различимыми три типа реальности. Первичную иконическую, или аналоговую, реальность составляет фактическое содержание, вторичную индексную – содержание условное, третичную символическую – содержание опосредованное, умозрительное. Ключевой реальностью в пространственной семиотике города следует считать вторичную реальность, обусловленную направленностью внимания. Индексная сущность места раскрывается в контексте двух взаимно дополнительных концепций – палимпсеста и культурного трансфера. Палимпсест как модель места позволяет воспроизводить его разночтения, культурный трансфер – взаимодействия культурных пространств, способных генерировать новые места.

Библиографические ссылки

1. Чертов Л.Ф. Место как категория пространственной семиотики // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. № 1 (53). С. 7–26.
2. Анисимов Н.О. Город в дискурсе семиотики // Философские и социологические науки. 2018. № 12. С. 33–35.
3. Касаткина С.С. Урбосфера: практики осмысления городского пространства. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2018. 160 с.
4. Repenser l'urbanisme. Sous la direction de Thierry Paquot. 2-e edition. Paris: Infolio, 2017. 168 p.
5. Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88–95.
6. Воробьева С.В. Историческая память в глобальном цифровом мире: семиотические и риторические аспекты // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2023. № 1. С. 34–44.
7. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология. Сост. Степанов Ю.С. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97.
8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996. С. 159–286.
9. Митин И.И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1 (49). С. 108–125.

10. Espagne M. Au-delà du comparatisme. La méthode des transferts culturels // Historiographie de l'antiquité et transferts culturels. 2010. Vol. 145. P. 201–221.

11. Гнучих В.Б., Воробьева С.В. Трансфер знаний в учебном процессе: методические аспекты // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе: проблемы и перспективы: сборник материалов XX научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2023. С. 73–76.

12. Окунев И.Ю., Остапенко Г.И. Восприятие пространства в программе семиотики столиц // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1(49). С. 43–61.

13. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Русский мир, 2014.